

Вэй Цзи обрадовался, что Цзян Янь проявил усердие к учёбе, но тут же услышал от него:

— Не возвращайся, оставайся в Восточном дворце обедать, а после полудня мы вместе погоняем в конное поло.

Вэй Цзи опешил.

Словно осознав что-то, Цзян Янь добавил:

— Я имею в виду: поедим, повторим уроки, а потом уже поло.

Вэй Цзи изобразил на лице затруднение:

— Через несколько дней у моей бабушки день рождения. После полудня мне нужно вернуться в поместье помочь.

Хотя отец не слишком его жаловал, он всё же был старшим законным сыном Поместья маркиза и уже достиг возраста, когда нужно заниматься делами поместья.

— День рождения твоей бабушки?

— Да.

Цзян Янь задумчиво помолчал, а затем великодушно отпустил Вэй Цзи, не заставляя его оставаться на полдень для игры в поло.

—

Пообещав Вэй Цзи как следует учиться, Цзян Янь и вправду начал внимательно слушать тафу на занятиях, и когда его снова вызывали отвечать, он уже не отвечал «не знаю» на все вопросы, как раньше.

Вэй Цзи был занят приготовлениями к шестидесятилетию своей бабушки. В последние дни он сбился с ног, редко задерживался в Восточном дворце, а после занятий спешил домой.

В это время года смотреть было не на что: зимой сад опустел, в заднем саду не было ни единого яркого пятна.

— Раз так, Ваше Высочество с вами наиболее близко, пусть он сопровождает вас в вашу усадьбу, чтобы пообедать. Я сейчас же распоряжусь, чтобы прибрали, а вы пока проводите Его Высочество по поместью, покажите всё.

Цзян Янь был недоволен, но ему пришлось смириться. Он тайком приготовил для Поместья маркиза щедрый подарок.

— Ваше Высочество не любит шума, здесь много народу, много лишних разговоров, да и церемонии утомительны. Я думаю, лучше найти тихое место, пусть Наследный принц сначала пообедает, а потом уже всё остальное.

Вэй Цзунцзянь не ожидал, что прибудет Наследный принц, поэтому поручил Вэй Цзи встречать и провожать гостей, а сам остался прислуживать Цзян Яню.

Вэй Цзи впервые сталкивался с таким приёмом и совсем потерял голову от суеты, но всё это время на нём неотступно застыл чей-то пронзительный взгляд.

Этот взгляд был настолько ощутим, что Вэй Цзи не мог его игнорировать. Улучив момент, он покосился в сторону.

Вэй Цзи беспокоился и, подумав, шагнул вперёд.

Заметив, что Вэй Цзи смотрит на него, Цзян Янь тотчас по-детски надул губы, взгляд его стал обиженным, словно он упрекал собеседника в том, что тот бросил его здесь одного и не обращает внимания.

Вэй Цзунцзянь счёл это разумным, кивнул и даже похвалил его:

— На этот раз ты всё продумал хорошо.

Цзян Янь не сводил взгляда с Вэй Цзи, наблюдая, как тот с отцом отошли в сторону и о чём-то негромко заговорили.

Вэй Цзи знал, что Цзян Янь уже устал от этого скучного и нудного празднования дня рождения и если позволить ему оставаться здесь дальше, тот, чего доброго, выйдет из себя.

Чтобы дать слугам в поместье побольше времени, Вэй Цзи изо всех сил старался затянуть время и повёл Цзян Яня на прогулку по пруду Яотань в Поместье маркиза.

— Здесь растут лотосы. Если бы Ваше Высочество приехали весной или летом, вы могли бы кататься на лодке и любоваться лотосами.

Увидев, что Вэй Цзи направляется к нему, Цзян Янь немного расслабился, но не ожидал, что тот, не сказав ему ни слова, отведёт в сторону Вэй Цзунцзяня.

В день рождения бабушки Императрица собственноручно написала иероглиф «долголетие» — это был подарок от Наследного принца.

Раз уж Цзян Янь редко бывал в Поместье маркиза, Вэй Цзунцзянь не осмелился проявить

небрежение.

Вэй Цзи отозвался.

Вэй Цзи в волнении изложил свою мысль.

Такая честь вызывала зависть у окружающих.

На главном месте сидел юноша, драгоценный, словно золото и яшма. На нём была тёмно-синяя одежда, поверх — накидка из лисьего меха. Черты его лица, благородные и мужественные, почти пугали своей остротой: длинные брови, косо уходящие к вискам, чёрные, резкие глаза, высокий прямой нос, тонкие, но яркие губы.

В Восточном дворце было внутреннее озеро, куда большее, чем маленький пруд в поместье, но Цзян Янь не проявлял к этому интереса. Однако он не выказывал нетерпения и терпеливо выслушал Вэй Цзи, а затем спросил:

— А лotosовые семена сладкие?

— Сладкие. Когда они зацветут, я, Ваше Высочество, почищу для вас немного и сварю кашу.

— Хорошо.

Обогнув пруд Яотань, они подошли к цветочному пруду. Вэй Цзи продолжил:

— Раньше здесь была аптекарская грядка моей матери, потом посадили цветы. Кроме весенних — форзиции, пионов, сирени, есть ещё летние — азалии, гортензии, а также осенние — османтус и хризантемы.

Цзян Янь удивился:

— Раз это была аптекарская грядка, почему потом посадили цветы?

Вэй Цзи запнулся, опустил ресницы, на губах его заиграла лёгкая улыбка:

— Моя бабушка не любила, говорила, что аптекарская грядка — не к радости, велела выкопать и посадить цветы.

Когда Вэй Цзунцзянь был молод, он выполнял поручение покойного императора, попал в засаду и был тяжело ранен. Его спасла девушка-лекарь, которая поднималась в горы за травами.

За те несколько месяцев, что он лечился в лечебнице, они полюбили друг друга, и он, невзирая на сопротивление родителей, настоял на женитьбе.

Император, узнав об этом, даровал им брачный указ.

Эта девушка-лекарь и была матерью Вэй Цзи. Только юношеская любовь пришла быстро и ушла ещё быстрее. Не прошло и нескольких лет после замужества его матери, как супруги стали чужими друг другу.

Простая девушка-лекарь и старший сын поместья маркиза — их происхождение слишком различалось. Оба были упрямы, никто не хотел уступать, и чувства истощились в бесконечных ссорах.

Когда Вэй Цзи было пять лет, его мать умерла от тоски. Через год отец женился на достойной супруге из равного рода, а на следующий год родились двойняшки — мальчик и девочка.

Цзян Янь взглянул на Вэй Цзи и, нахмурившись, сказал:

— Тогда снова посади аптекарскую грядку. Скажи отцу, что это моё распоряжение.

Вэй Цзи покачал головой:

— Не стоит. У всего есть душа.

Раз уж здесь посадили цветы, то негоже их вырывать.

Цзян Янь кончиками пальцев слегка коснулся тыльной стороны ладони Вэй Цзи:

— В Восточном дворце есть пустой участок. Если хочешь, в будущем можешь прийти и посадить там аптекарскую грядку.

Вэй Цзи ошеломлённо уставился на Цзян Яня.

Цзян Янь фыркнул и отвернулся.

Вэй Цзи вдруг стало неловко, он почесал за ухом.

Тут подошёл управляющий поместьем и подал Вэй Цзи знак глазами: мол, можно вести Наследного принца в его усадьбу обедать.

Вэй Цзи с облегчением вздохнул и пошёл вперёд, показывая дорогу Цзян Яню.

—

Дворик уже преобразился: по обе стороны каменной дорожки стояли горшки с растениями, и

даже принесли одно цветущее сливовое дерево.

Вэй Цзи невольно восхитился, как быстро управились слуги.

Однако это с трудом принесённое сливовое дерево не привлекло внимания Цзян Яня ни на миг; он даже не взглянул на него и сразу вошёл в дом.

Вэй Цзи потёр нос: в Восточном дворце целая роща слив, с чего бы Цзян Яню интересоваться этим деревом.

Внутри дом тоже изменился до неузнаваемости: старые вещи по возможности заменили на новые.

Когда Вэй Цзи увидел висящую в комнате картину с горным пейзажем, даже он, человек флегматичный, невольно дёрнул уголком рта.

Это была любимая картина его отца — кисть знаменитого великого поэта, на ней ещё было стихотворение, и стояла она тысячу золотых.

Здесь Вэй Цзи вырос, и Цзян Янь сгорал от любопытства, внимательно разглядывая обстановку в комнате, даже чайную чашку он рассматривал, изучая узор.

Цзян Янь заметил неладное:

— Почему всё новое?

Вэй Цзи честно ответил:

— Раз уж Ваше Высочество удостоили своим присутствием, естественно, нужно было заменить на неиспользованное.

Цзян Янь почувствовал скуку и даже рассердился:

— Лишнее это всё.

Вэй Цзи не посмел возразить и стоял рядом, опустив руки.

Цзян Янь, словно не успокоившись, добавил:

— Ты же пользовался моими палочками для еды, я же тебя не брезгую.

Вэй Цзи вмиг покрылся испариной.

Он действительно пользовался палочками Цзян Яня, но это было, когда Цзян Янь попробовал жареный пирожок, решил, что он горчит, и заставил Вэй Цзи попробовать, сам подцепив кусочек и протянув ему.

Вэй Цзи пришлось откусить прямо с палочек. Ему ни капли не показалось горько, наоборот, было вкусно и сладко.

—

В комнате Вэй Цзи стояло несколько жаровен, и Цзян Янь на ходу снял с себя накидку.

Вэй Цзи очень естественно принял из рук Цзян Яня лисью накидку и повесил её на вешалку для одежды.

Взгляд Цзян Яня мелькнул, но когда Вэй Цзи посмотрел на него, он как ни в чём не бывало отвёл глаза, прошёл за ширму с изображением кленового леса, рыб и птиц и вошёл во внутреннюю комнату — туда, где спал Вэй Цзи.

Обстановка внутри была очень простой: в юго-западном углу стояло серебряное зеркало, чтобы поправлять одежду и головной убор, рядом — этажерка с книгами.

Цзян Янь окинул комнату взглядом, затем медленно подошёл к кровати, снял верхнюю одежду и сапоги, украшенные узором из облаков и молний.

Не ожидая, что тот заберётся на кровать, Вэй Цзи замер на месте, слегка ошарашенный.

— Что это за вид у тебя? — недовольно спросил Цзян Янь. — Ты же несколько раз забирался ко мне на кровать, и я ничего не говорил.

Ведь это Цзян Янь велел Вэй Цзи лечь на кровать, но из его уст выходило так, будто Вэй Цзи сам напросился.

Вэй Цзи, разумеется, не стал спорить с Цзян Янем, быстро опустил глаза и запинаясь пробормотал:

— Я, я не то имел в виду.

Цзян Янь сухо сказал:

— Ложись.

Вэй Цзи пришлось подойти.

Цзян Янь повёл себя как хозяин, задрал подбородок:

— Ты чего это ложишься на кровать, даже верхнюю одежду не снял?

Вэй Цзи застыл, медленно, опустив голову, снял верхнюю одежду.

Цзян Янь:

— Сапоги.

Вэй Цзи снял и сапоги. Он сел с края кровати, выпрямившись, как струна.

У изголовья кровати Вэй Цзи стоял ряд красных лакированных сундуков, похожих на письменный стол. На них лежала стопка книг, под ними — четыре маленьких ящичка, а в самом низу — запирающийся сундук.

Цзян Янь взял с сундука какую-то невиданную вещицу и спросил:

— А это что?

Это был маленький человечек в короткой одежде, с голыми руками и ногами; к нему были привязаны три нитки. Когда дёргали за нитку, руки и ноги человечка начинали двигаться — очень забавно.

Вэй Цзи объяснил:

— Теневые фигурки.

Его дед делал теневые фигуры, мать тоже умела немного. В детстве, чтобы развлечь Вэй Цзи, она научила его делать такие фигурки.

С детства Вэй Цзи был спокойным и робким, не то что другие дети — не могли усидеть на месте. Он мог сидеть целый день, мастеря такие игрушки [своими руками].

На сундуке оказалась ещё одна, и Цзян Янь взял её:

— А это почему ещё одна?

Вэй Цзи:

— Я сделал для младших брата и сестры, чтобы играли.

Услышав это, Цзян Янь несколько раз взглянул на сундук, но, не увидев там больше фигурок, молча положил обе на место.

Цзян Янь глухо спросил:

— Всего две сделал?

Вэй Цзи инстинктивно чувствовал опасность. Поняв, что слова Цзян Яня звучат не так, он осторожно спросил:

— Ваше Высочество, тоже хотите?

— Не хочу я. — Цзян Янь отодвинул обе фигурки далеко в сторону и, нахмутив красивые брови, обиженно сказал: — Выпрошенное — неинтересно.

Видя, что Цзян Янь сердится, Вэй Цзи не раздумывая ответил:

— Я и так думал сделать для Вас. Эти две — просто проба. Ту, что я сделаю для Вас, можно раскрасить. Какой цвет Вы хотите?

Услышав это, Цзян Янь чуть приподнял уголки губ, снова взял фигурку человечка и сказал:

— Как хочешь, я не такой уж привередливый.

Вэй Цзи в жизни не встречал человека более привередливого, чем этот, но, конечно, не осмелился сказать это вслух.

Цзян Янь сидел, скрестив ноги, и сам некоторое время играл с теневой фигуркой. Боковым зрением он заметил шкафчик с медным замком, вскинул бровь и заинтересовался, что там внутри.

<http://bllate.org/book/18661/1799238>